

Первая волна русской иммиграции в США

Опыт построения диаспоры

Александр Ручкин,
кандидат исторических наук

Российское Зарубежье, возникшее в результате трудовой миграции начала века и революционных событий 1917 г., охватывало практически все континенты и насчитывало миллионы бывших российских подданных. Русская Америка стала одной из наиболее массовых и, в силу определенных геополитических обстоятельств, наиболее стабильной частью русского рассеяния в первой половине прошлого столетия.

Как отмечал Д.Сантаяна, “Американская жизнь – это высокоактивный растворитель... он способен нейтрализовать любой, даже самый стойкий и самый чужеродный интеллектуальный материал и переплавить его в типичные американские качества: благонамеренность, самодовольство, беспечность и оптимизм”¹.

Изучение широкого спектра проблем “вхождения” русских в новую социокультурную среду оказывается сегодня принципиально важным, предопределяя новое звучание культурного наследия русской эмиграции и закладывая основы активного взаимодействия диаспоры и Родины.

Этап становления русской диаспоры относится к 1900–1920 гг.

В 1901–1920 гг. из России в США выехало 2,5 млн. чел.². Собственно “русская иммиграция” становится заметным фактором, начиная со второй декады столетия. Общее количество “русских” в США в 20–40-е годы оценивается в 360–400 тыс.³.

Выходцы из России принадлежали к наиболее урбанизированным группам иммигрантов.

В 1920 г. 88,6% проживало в городах, а в 1930 г. этот показатель вырос до

90,3%. Лидерство прочно удерживал Нью-Йорк, русскоязычное население которого составляло примерно 500 тыс. чел., из которых “чисто русских” насчитывалось 125 тыс.

Русская Православная Церковь долгие годы выступала системообразующим началом жизни русской иммиграции. После революции 1917 г. Церковь лишилась материальной поддержки, выделяемой ежегодно Синодом и самое главное – своего единства. К середине XX столетия Русская Православ-

ная Церковь оказалась расколотой, разделив судьбу многих других иммигрантских организаций. Разное толкование православных канонов, роли Московского Патриарха, отношение к Советской власти, борьба за собственность, влияние и власть в русской колонии – все это стало отражением “необычной, и хотя не всегда здоровой, но активной жизни православных приходов”.

Без поддержки родины и при равнодушном отношении местного сообщества, центр тяжести организационной работы переносится вглубь иммигрантской массы. Общественные и политические функции берут на себя организации, традиционно ориентированные на социальную защиту мигрантов или культурные объединения. Объединение трудовой иммиграции происходит в русских обществах взаимопомощи. Их полувековая история опровергает сложившиеся представления о краткосрочности, недолговечности и непрочности русских общественных объединений, их ярком, но непродолжительном и бесплодном существовании.

На 1 января 1944 г. три общества взаимопомощи – Русское Объединенное Общество Взаимопомощи в Америке, Русско-Американское общество взаимопомощи и Русское независимое общество взаимопомощи, созданные в начале века, объединяли 21248 чел., насчитывая 150 отделений⁴.

Стремление скоординировать совместные действия для наиболее полного отражения и представления интересов русской колонии, впервые высказанное еще в 1893 г., оказалось

реализованным под воздействием известий с родины. События 1917 г. всколыхнули колонию. Февральская, а затем и Октябрьская революции способствовали организационному всплеску, появлению новых и оживлению деятельности уже существовавших объединений и групп. В результате политических разногласий в начале 1918 г. в Соединенных Штатах состоялось сразу два съезда представителей русской колонии.

1 февраля в Нью-Йорке под красным и американским флагом открылся Первый русский Общеколонийальный съезд, а 9–11 февраля 1918 г. там же состоялся Первый Русский Всегражданский Съезд, собравший представителей 30500 русских иммигрантов, организованных в 37 различных, преимущественно “национально мыслящих” экономических, культурно-просветительских организаций и политических групп. Съезд положил начало существованию Федерации Русских организаций в Америке (*Federation of Russian Organizations in America*).

Возникшие после съезда организации оказались недолговечными^{*}.

К сожалению, несмотря на благородные цели, в силу определенных финансовых и организационных причин период существования подобных объединений был кратким, а лепта, внесенная в дело объединения русской колонии – малой.

Спустя десятилетие период 1917–1918 гг. будут вспоминать как время упущенных возможностей и самый благоприятный момент для организационного строительства в русской колонии.

Наибольшие потрясения русской колонии в первой половине столетия

^{*} Примером является деятельность Федерации Русских организаций в Америке, изученная автором по материалам коллекции Отдела рукописей и архивных документов Нью-йоркской публичной библиотеки (Нью-Йорк, США) New York Public Library. Manuscripts and Archive Division (NY).

были связаны с периодом “красной угрозы”.

В ноябре-декабре 1919 г. были арестованы сотни членов Союза русских рабочих, из которых 249 были вскоре отправлены в Советский Союз. 2 января 1920 г. в 70 городах США был проведен рейд Палмера, в ходе которого было задержано около 3 тыс. чел., из них 556 (большинство из которых русские) были позже высланы из страны.

Общественная жизнь колонии оказалась парализованной.

Второй этап развития диаспоры приходится на 1920–1933 гг. Русская Америка 20-х годов – это миллионы трудовых мигрантов и небольшое, но заметное представительство высших слоев прежнего российского общества, творческой интеллигенции, военных, судебного корпуса.

После Первой мировой войны в связи с событиями на родине и с изменением иммиграционного законодательства США приток русских значительно сократился.

В 1923 г. в страну въехало 4346 чел. (по сравнению с 48,5 тыс., прибывшими в США в 1913 г.).

После введения квотной системы выдачи виз (в зависимости от страны иммигранта) получить визу русским беженцам в Европе становится крайне трудно.

В 1925 г. американские консулы информировали Вашингтон, что при выделенном количестве виз для полного удовлетворения спроса всех обратившихся требуется: для Венгрии – 100 лет, России и Италии – 70 лет, Румынии – 50 лет и для Чехословакии, Польши и Греции – 10 лет⁵.

Представители постреволюционной иммиграции селились в тех же городах, но на значительном расстоянии от “старой колонии”. Известный в эмиграции журналист М.Железнов сетовал, что крестьяне с самого начала

были враждебно настроены к политической эмиграции, прибывшей в США. Во многом постреволюционная эмиграция представляла те классы и группы, от власти и преследований которых русские мужики и бежали за океан. Некоторые из вновь прибывших пытались вступать в организации и объединения, созданные старой иммиграцией, но не приживались там. По замечанию современника, “в общественной жизни одни по-прежнему оставались аристократами, а другие – мужиками⁶”.

Дипломатическое признание Советской России США 16 ноября 1933 г. де-юре закрепило существование русской иммиграции без родины, без права официального представительства своей страны. Длительный период непризнания способствовал поддержанию иллюзий о нелегитимности Советской власти и временности пребывания в Америке. После установления дипломатических отношений с точки зрения адаптационных процессов доминирующим становится представление о неизбежности и желательности дальнейшей интеграции группы в локальное сообщество. Многими иммигрантами принимается окончательное решение о получении американского гражданства.

90–95% русских иммигрантов, прибывавших в США, начинали свою деятельность с неквалифицированного труда. У иммигранта, не имевшего соответствующих “бумаг”, не было доступа к 3 из 5 возможных вакансий, равно как двери 4 из 5 профсоюзов оставались для него закрытыми.

Согласно данным опроса, 3600 обратившихся за получением гражданства в 1932 г. на вопрос о мотивации их выбора, 29% отметили необходимость сохранения или получения работы⁷.

К этому моменту иммигрант, по мнению американских патриотических организаций, должен был осознавать, что у него

нет и не может быть двух родин. "Соединенные Штаты не заставляют вас забыть вашу родину, но у вас не может быть двух отечеств. Америка говорит, что раз вы стали американским гражданином, вы должны помнить, что с этих пор у вас имеется одно ОТЕЧЕСТВО и это отечество – Америка"⁸.

Вынужденный характер принятия гражданства отмечался в русской прессе.

Однако спустя годы многие могли бы согласиться с М. Вишняком, что "поступили неправильно, сменив свое многолетнее "бесподданство" на привилегированное состояние американца. Ощущение внутренней неловкости от обретенной привилегии сопровождалось крепнувшим убеждением, что для эмигранта-политика, внутренне не порвавшего со своей родиной, перемена гражданства допустима лишь в условиях крайней необходимости, под давлением исключительных обстоятельств"⁹.

В 1938 г. две самые значительные колонии русских в США (в Сиэтле и Нью-Йорке), насчитывавшие соответственно 2500 и 6000 чел., на 90% состояли из американских граждан.

Русские иммигранты, находясь на 17-м месте по продолжительности пребывания в США, тем не менее, занимали 10-е место по уровню натурализации. На этой стадии в сознании иммигрантов происходит отказ от возможности реэмиграции в пользу перспектив развития в инонациональной среде.

С начала 40-х годов наступает третий период – упадка диаспоры. На этой стадии диаспора уже не удерживала соотечественников в орбите своего влияния. Волны общественного энтузиазма разбивались о политику изоляционизма и подозрительности по отношению ко всему русскому и потому, возможно, советскому и коммунистическому.

Исключением стал период Великой Отечественной войны. После нападения фашистской Германии на Совет-

ский Союз для русской диаспоры в Соединенных Штатах наступил момент "этнической мобилизации", то есть острого осознания своей национальной принадлежности. Многотысячные митинги собирали представителей различных слоев русской колонии в Нью-Йорке, Чикаго, Детройте, Сан-Франциско, Филадельфии.

"...Редкое единодушие проявили все русские и карпаторусские, светские и церковные газеты; все союзы, братства и приходы, все низшее духовенство, огромное большинство русских военных с оружием в руках боровшихся против большевиков в гражданскую войну" все интеллигентские и политические группировки; друзья русской культуры, монархисты, младороссы, кадеты, прогрессисты, социалисты и, к их чести, многие представители дома Романовых"¹⁰.

Диаспора вела активный сбор средств для оказания медицинской и продовольственной помощи русскому народу, которая осуществлялась через специально созданный Фонд помощи Русскому народу, средства которого расходовались через Красный Крест или по его указаниям.

Послевоенные дебаты о будущем России в полной мере выявили различия между американской и европейской ветвями русской эмиграции, накопившиеся за прошедшие годы. Американская правовая защищенность русского беженства воспринималась многими эмигрантами как предательство российских интересов.

Как отмечал Н.Вакар, "русский американец, развязанный от своих обязательств к России, не имеет право судить тех, кто чувствует себя связанными как раз этими и только этими обязательствами"¹¹.

Оставаясь на непримиримых позициях по отношению к Советской власти, Я.И.Лисцын, член Союза русской присяжной адвокатуры, писал: "Я их не осуждаю, не зная условий... Я только жалею их. Мы с вами дав-

но уже не беженцы. Мы получили гражданство, имеем дом, живем в благословенной Америке со всеми правами человека... А они остались бездомными беженцами, и при том во Франции, где их притесняли до войны, а теперь и подавно...”.

На “непримиримых” позициях оставались немногие. Сама “непримиримость” теряла свои абсолютные характеристики периода гражданской войны, и все больше обростала условиями и компромиссами.

Новая волна русских выходцев докатывается до Америки сразу после окончания Второй мировой войны. Как и прежде, русские беженцы прибывали в Америку с двух сторон: на Атлантическое побережье – из освобожденной Европы и на Тихоокеанское – из Китая и Юго-Восточной Азии. Временные рамки этого этапа русской иммиграции ограничены окончанием боевых действий и прекращением деятельности международных организаций по осуществлению массовой репатриации в начале 50-х годов.

По данным управления по репатриации (на 1 января 1952 г.) в США из Европы прибыло 35251 выходцев из СССР, из которых 1910 русских, 10630 украинцев, 101 белорус, 66 латышей, 7799 литовцев, 4271 эстонцев и т.д.¹².

Новая иммиграция оказалась совсем не той, о которой мечтали старожилы. У Р.Гуля мы находим описание “новых людей”, отнюдь не готовых сразу включиться в дело освобождения родины. Соединения традиций и политического опыта одних и знания “правды жизни” других в деятельности общественных объединений не получилось. Как и в межвоенные годы орбиты старой и новой иммиграции не пересекались.

Диаспора, не получавшая “пополнения”, неуклонно старела.

Для выходцев из России средний возраст в 1920 г. составлял 34 года (на 6 лет меньше среднего значения по иммигрантскому населению в целом), 41,6 год в 1930 г. (на 2,4 года меньше среднего значения), 49,4 в 1940 г. (меньше среднего значения на 1 год и 6 месяцев) и 57,5 в 1950 г. (что уже превысило среднее значение на 1 год и 7 месяцев).

К рубежу 50-х годов после непродолжительной эйфории послевоенных надежд на “русское пришествие” в Америку иммигрантская жизнь все больше пронизывалась ощущением “безвоздушного пространства”, когда интеллектуальные силы иммиграции, по выражению М.Вишняка, были вынуждены творить в “физически неизменно убывавшей среде” без возможности ее расширения за счет российского читателя или слушателя.

Каковы же отличительные черты русской диаспоры в США в первой половине прошлого столетия? Являлась ли русская диаспора единой?

Безусловно, нет.

Русская диаспора первой половины XX столетия – это соединение несоединимого, то есть широкого спектра социальных групп и сословий, оказавшихся за пределами родины в разное время и в силу разных причин. Представление о родине применительно к русской диаспоре становится мощным разделяющим фактором, препятствующим созданию общеколонизальных организаций. Право на собственную Россию и признание ее единственно верной предопределило феномен русской политической эмиграции, ее роли как политического проекта и особой жизненной ситуации.

В большей степени трактовка эмиграции как миссии характерна для общественных дискуссий в европейских центрах русского рассеяния. В Русском

Берлине или Русском Париже к политической часто относили всю эмиграцию, а не только ее авангард.

В условиях Америки многомиллионная масса выходцев из России имела собственные представления об оставленной родине и не разделяла привнесенную в начале 20-х годов миссию ее спасения и возрождения как цели своего существования на чужбине.

Русская Америка пережила ряд моментов в своей истории, в полной мере испытав воздействие идеологии, политики, культурных традиций и общественных институтов, принимающей стороны. В тоже время многим русским в Америке удалось реализовать творческий, научный и культурный потенциал, а диаспоре в целом вести в определенные периоды творческую и насыщенную жизнь.

Русские американцы оставили яркий след в науке, культуре, образовании новой родины. Жизнь диаспоры освещалась на страницах русской прессы.

К середине XX в. в США выходило на русском языке 5 ежедневных газет и 14 еженедельных, ежемесячных и ежеквартальных изданий, многие из которых выпускались на очень высоком уровне.

Таким образом, в своем развитии русская диаспора в США прошла этапы становления, развития и упадка.

В условиях прекращения иммиграционного движения из России диаспора была обречена на постепенное растворение в американской жизни.

Тем не менее, на протяжении первой половины столетия русские иммигранты сумели создать обширную сеть общественных организаций, призванных способствовать социальной, культурной и правовой адаптации к условиям Америки и воспитанию новых поколений в традициях русской культуры.

Отличительной особенностью диаспоры стало явно выраженное деление организаций и объединений по волновому признаку, что в значительной степени определялось событиями на родине и подчеркивало тесную связь иммиграции со страной исхода. Опыт развития русской диаспоры в США, имеющий почти вековую историю, представляет несомненный общественный интерес с точки зрения изучения процессов правовой, социально-экономической и социокультурной адапта-

Каждая из волн была вынуждена трансплантировать, поддерживать и развивать собственные сети социального взаимодействия в привычной и понятной для себя форме.

История диаспоры – это история развития и укрепления таких связей, попыток приобщить к ним новые поколения русских американцев.

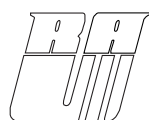
Представители разных волн иммиграции по иному выстраивали границы своих сообществ. Критерии членства в организациях, как и принципы отбора существенно менялись по мере смены поколений. Идеологическая жесткость и нетерпимость иммигрантов первого поколения, часто стремившихся сохранить чистоту рядов своих союзов, в большинстве случаев сменялась организационной целесообразностью последующих поколений.

На протяжении первой половины XX в. русская диаспора предстает как яркое отражение российской действительности, сколок нации, казалось, временно перенесенный на чужую почву со всем спектром российских социально-политических экономических и культурных характеристик.

ции значительных иммигрантских групп в новой среде под воздействием миграционной политики, способствующей максимальному использованию потенциала прибывающих мигрантов во внутри- и внешнеполитических интересах страны их пребывания.

Примечания

- ¹ Сантаяна Д. Характер и мировоззрение американцев. М., 2003. С. 45.
- ² Кабузан В. Русские в мире. Динамика численности расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб., 1996. С. 30.
- ³ Govorchin G. From Russia to America with Love: A study of the Russian Immigrants in the United States. Kingston, 1990. P. 49.
- ⁴ One America. The history, contribution and present problems of our racial and national minorities. N.Y., 1946. P. 125.
- ⁵ The Interpreter. Vol. IV. № 8. October 1925. P. 6.
- ⁶ Jelesnov M. Moscow-on-the-Hudson. N.Y., 1948. P. 153.
- ⁷ Hassell J.E. Russian refugees in France and the United States between the world wars. Philadelphia, 1991. P. 37.
- ⁸ Памятная книжка Соединенных Штатов для сведения иммигрантов и иностранцев. 1923. С. 24
- ⁹ Вишняк М. Годы эмиграции 1919–1969. СПб.: Формат, 2005. С. 376.
- ¹⁰ Новое русское слово. 1941. 22 ноября.
- ¹¹ Вакар Н. Эмиграция и Советская власть // Новый журнал. 1945. № 10. С. 345.
- ¹² Эмиграция и репатриация в России. М., 2001. С. 80.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ
OBSERVER

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru